

186 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Олег

МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

От автора:

*жанр ладанок вырос из стихов,
емких образов, отмеченных
в записных книжках мыслей.*

*Ладанки – это то, что ближе всего к сердцу:
юмор, размышления,
представление окружающего мира
и человеческих характеров,
коллизии моей собственной судьбы.*

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Детские воспоминания приходят внезапно: на углу знакомой улицы, в театральном кресле, у троллейбусного окна, возле книжной полки в комнате старшей внучки.

На мое воображение, воспитание, восприятие жизни повлияло одноэтажное деревянное предместье Петрозаводска – Старая Кукковка, где все было устроено по-деревенски. Баня с парной. Маленький бакалейный магазинчик. Общественный колодец и прочие дворцовые удобства.

Постоянная возня в сараях и поленницах, моя страсть залезать куда ни попадя частенько выливалась в посещения всевозможных лечебниц – свидетелей моего слабого здоровья и непомерного любопытства. Внезапно пахнёт манной кашей, раздаваемой на завтрак в палате. Вспомнится – в городской травматологии – показанный выездной труппой кукольного театра музыкальный спектакль

«Приключения Пифа». Или вдруг раздастся гулкий звук тугой горячей струи в больничной ванной, куда меня (мальчонку, выросшего в карельской избе, незнакомого с такой чудной чугунной лоханью) пригласила мыть дежурная нянечка. А потом кутала в смешные простыни, и я был похож на белую холщовую куклу.

Припомнится запах первой тонкой потрепанной книжки, которую я вместе с мамой выбрал в бревенчатой сгорбленной библиотеке, притулившейся у стены кинотеатра «Сампо».

С обложки книги на меня смотрел и весело подмигивал «Палле – один на свете». А я был не один. Со мной были папа и мама, забирающие меня из больницы или очередного круглосуточного детского сада. Бабушка, стряпавшая на дровяной печи к моему приходу толокняные колобы и калитки. Со мной навсегда останутся теплые яркие воспоминания – о раннем шепутном кукковском детстве.

* * *

Моя любовь к литературным радиопередачам, разговорам взрослых мудрых людей произрастает из детства. Воображение прильнувшего к радиоприемнику или залезшего под праздничный стол мальчугана рисовало живые невиданные картины, передающие краски, звуки, великое разнообразие жизни, рассыпанной в рассказах

взрослых. Разноцветные фуги света, различаемые в красоте и наполненности человеческой речи, позволяют мне до сих пор видеть, а главное, слышать людей, постигать житейскую умудренность, чувствовать их переживания как свои.

* * *

Ирония судьбы...

Когда я смотрю в очередной раз фильм Эльдара Рязанова «С легким паром», то невообразимым образом оказываюсь за праздничным новогодним столом в компании моих молодых родителей, тетушек и дядюшек, бабушки, которой не исполнилось тогда и 50 лет... Когда звучат знакомые песни, стихи, фразы – оживают воспоминания, забытые чувства, любимые люди, главные слова.

И я живу, пишу эти строки благодаря маме, папе, бабушке, музыке Таривердиева, советским фильмам, над которыми не властно время – почти по рязановской чудесной «Иронии судьбы».

СССР

Аббревиатуру СССР в свое время можно было расшифровать оригинальным образом: Сознательность. Справедливость. Солидарность. Равенство. Все эти слова были неотъемлемой частью советского общества. Уникального и неделимого.

Ввиду недостаточного количества личных автомобилей все трудящиеся – работяги, всемогущие продавцы, учителя и инженеры имели равные возможности воспользоваться общественным транспортом. Столпотворение на остановках в часы пик выливалось в малоподвижную тесноту переполненного салона, равенство вдохов и выдохов при резком торможении и толчках на ухабах. Сознательность охватывала пассажиров сразу после входа в визжащую троллейбусную дверь. Требовалось передать деньги за проезд. Справедливость оплаты распространялась на все профессии и возрасты – четыре копейки. Солидарность же проявляли сердобольные пионеры, пропихиваясь к одной из двух механических касс, проявляя чудеса гибкости и непреклонной решимости помочь зажатым со всех сторон тетенькам и дяденькам передать мелочь за проезд.

– Мальчик, открути билетки. Вот тут – на десять человек...

Деньги пересыпались в ладошку стоящего у кассы мальчика. И не беда, что пара-тройка запотевших пятачков и копеек, опускаемых в щель незамысловатой кассы, оставалась в крепком детском кулачке –

все граждане получали свои вожделенные проездные билеты! Равенство всех членов общества соблюдалось беспрекословно. Лента раскручивалась на полную катушку. Троллейбус двигался дальше...

Вот так в годы моего взросления, во времена неповторимого социалистического романтизма у дворовой шпаны появлялись карманные деньги на мороженое и лимонад.

БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ

Джек. Ганс. Жак. Покорители великанов. Герои европейских сказок все лезут по бобовому стеблю на Небо. Все ждут Рождества. Но его снова и снова крадут болезни, инфляция, войны. Нет бы шотландцам, немцам, французам и датчанам подумать о планете Добра и Воли, где на широкой русской равнине хватит сказок и души для всех народов мира. Неужели чужеземцы не могут понять, что Бог никогда не оставит Россию? Но они все карабкаются и карабкаются за беспросветные облака – в надежде встретить там бородатого Санта-Клауса на оленьей упряжке. И, если бы не было бобового стебля, его бы выдумали снова, посадили и закрутили до вышних небесных врат. Так привычной. Так значимей для западной культуры – ее величия и первостепенности – лишь бы не оглядываться на дивную благословенную землю, не видеть Россию сквозь пелену сказочных облаков.

ЛЕСПРОМХОЗ

Историю эту мне одна женщина – давний работник санатория «Марциальные воды» – по случаю рассказала...

Послевоенный лесной поселок. Много разного народу – и белорусов, и украинцев – потянулось в Карелию в голодные восстановительные годы – на валку необходимого для советского государства строительного леса.

Люся – из местных карелов, подрядилась лесорубов обстирывать. Жила в общежитии – бревенчатом бараке, потому как деревня ее находилась от вырубок за двести километров в непролазном лесу. Поселок рос прямо на глазах. Клуб. Столовая. Баня. Мужиков, конечно, не в пример больше баб. Лесорубы. Трудяги. А женщины, как водится, – прачки да кухарки.

Баню топили по субботам. Мылись попеременно. До обеда – женщины, после – мужики. Люся в тот день замешкалась что-то, перед последней обмывкой забежала в парилку. На минуточку. А тут – мужики завалились. Обеспокоилась Люся, засутилась: что дальше-то делать? В парилке – одежды

никакой. Разве что тазик для запаривания веников. Ну, выбегу я с ним – в моченую для представления, а что прикрывать буду: спину или живот? Эх, была не была! Нахлобучила Люся бадью на голову и – шасть между скамеек – к выходу. И все бы ничего, хиханьки да хаханьки стерпеть можно, но один паршивец нашелся – по беззащитной девичьей попе ладонью шлепнул. Хлестко. Смачно. Аж след красный остался.

Жуть как обидно стало Люсе от такого обхождения! Одевшись наспех, решила она во что бы то ни стало обидчика своего найти и на чистую воду вывести. Вечером – танцы. Самое уловистое время. Надела Люся красивое платье, причепурилась и поплыла павой – клуб покорять. По сторонам глазками стреляет да ухо остро держит: как бы охальника давешнего не прозевать. А как его, бесстыжего, вычислить? Пятерню к ентому месту не приложишь... Глядь, в конце зала у печки компашка мужская сгруппировалась. Стоят. Ржут над чем-то. Люся к ним поближе пристроилась. Недолго ждать пришлось. Один молодой и бойкий украинец бахвалиться начал, как одну дивчину в бане по попе шлепнул. От души. И лыбится – без зазрения совести. Ну, погоди, подумала Люся, ты у меня доухмыляешься! Пригласила хлопца на белый танец. Разговоры завела завлекательные...

После танцев вызвался кавалер красавицу до обещанного проводить. По пути – ручей Студенец. И мосточек через него узкий, дощатый. Перилами не оборудованный. Идут через него парочки обнявшись. Вроде как вечер зябкий, да притягательный. На середине ручейной переправы Люся к парню прижалась и – в момент долгожданного поцелуя – в грудь легонечко толкнула. Растерявшийся провожатый с головой в ручей болотистый погрузился. Люся пиджачок паренька, на плечи наброшенный, аккуратно на мостике сложила и гордо произнесла:

– Охладишь, ухажёр! Баню сегодняшнюю помнишь? Как меня при всех осрамил? Бесстыдник! Не будешь больше руки распускать да еще банными подвигами похваляться! С легким паром, дон Жуан! Но смотри хозяйство свое не застуди, а то одним походом в медпункт не обойдешься – в город на лечение ехать придется... А и то – скатертью дорога!

ГОД ТИГРА

Полосатые сугробы бесшумно ступают между соснами и березами, как белые карельские тигры. Как с ними не сдружиться? В голове, в воздухе, в природе – весеннее перемирие! Год Тигра. Отступают холода. Уходит в страхе от мягких кошачьих лап беспросветная многомесячная приполярная зима.

Растапливает снежный наст потихоньку припекающее солнце. Невесомые лазоревые громадные кубы неба давят на снег, выжимают из многослойных морозных толщ бурливую воду, крошат лед на подмерзших ручьях, затвердевших озерных заберегах. Колючий апрельский утренник еще тягается с теплым ласковым полднем – до долгого вечера, до ухада длинных древесных тигриных теней под полог звездной ночи...

Уже вторую неделю жителей северного поселка будит солнце. Зовет на улицу кошачье мурлыканье яркого заснеженного леса. Играет морозными искрами низовой ветер. Солнечная мушинная возня снежинок обдаёт кожу приятным холодком. Ноги сами бегут под горку – навстречу весне.

БАНДЮГА

Геннадий Бандюга никогда не был удобным подчиненным. Ни будучи курсантом артиллерийского училища, ни взводным, ни в должности командира батареи. Бандюга был человеком действия и отчаянным правдорубом.

Инициатива в армии никогда не поощрялась, а способность Геннадия говорить правду-матку в глаза в присутствии служивого народа выводила из себя командира дивизиона Гусенцова.

Технику энзэшную в боксах разукомплектовали, полевую кухню на полигон не подвезли, горячая вода в бане чуть теплая, портянки дырявые выдали – комбат уже в штабе дивизии докладывает, через две головы. А то и батарею свою в знак молчаливого протеста на плацу выстроит, на приказы не реагирует, пока справедливость не восторжествует.

Начальство армейское долго на бандюганские бунты сквозь пальцы смотрело, ценило комбата как специалиста, но однажды, как говорится, терпение лопнуло.

Отлично зарекомендовав себя на окружных стрельбах, за успехи личного состава вверенной батареи в боевой и политической подготовке Бандюга получил задержанное на два срока звание майора, но за свою несговорчивость и своенравие был отстранен от командования и перекинут обратно – на взвод, на лейтенантскую должность. Случилось это как раз в то время, когда нелюбимого Гусенцова назначили дивизией командовать. Жаловаться было некому. Быть может, поэтому неуступчивый и строптивый офицер стал часто и много выпивать, приходил на развод воинской части с устойчивым запахом спиртного, развелся с женой и был переведен на должность начальника склада. Так постепенно опальный майор потерял интерес к службе. Затих на своем вещевом складе. А коман-

диру дивизии того и надо было: с глаз долой, из сердца вон. Ублажил ретивое Гусенцов. Успокоился. Так, по-тихому, и простил бы майора – перевел бы на какую-нибудь престижную штабную работу. Если б не очередной бандюжий закидон.

По осени после вечерней поверки собрались ответственные по подразделениям офицеры в курилке около дивизионного плаца. Курят. Разговаривают. На солнце закатное смотрят, на деревья облетающие любуются. Стоит за трибуной чета молодых, но уже крепеньких и высоких березок. Командир дивизии в них души не чает. Хоть летом, хоть зимой от дежурной службы за подругами белыми ухода требует. А осенью от них одна морока.

– Э-хе-хе, – вздохнул дежурный по части капитан Борщакровский, – сколь ни подметай плац, опять он пятнами желтыми идет. Если не отскребешь от асфальта листву, комдив с мылом и щетками заставит весь плац до отбоя отмывать. С пяти утра дневальные у трибуны караул несут. С метлами. Чтобы какой лист чахлый к строевой разметке не прилип.

Начсклада Бандюга, заступивший в тот день дежурным по столовой, сигарку в плевательнице загасил и говорит:

– Не печалься, Иваныч, что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее...

В воскресное утро построил командир дивизии любимый личный состав на плацу. Перед традиционным спортивным праздником форму одежды, прически, вещмешки у солдат и тревожные чемоданы у офицеров проверить. Коротенько – часика на два – отвлечь военнослужащих от бесплодного дуракаваления выходного дня. Ничто так не укрепляет воинскую дисциплину, как бестолковое стояние в строю. С этими светлыми мыслями светло-голубыми глазами обводил Гусенцов стройные шеренги бойцов и командиров, вдоль которых шмыгал заместитель комдива по строевой подготовке майор Карпенко. Маленький, пухлый, коротконогий, короткорукий человечек в большой фуражке-аэродроме, прозванный в народе «злойный Карлсон», самолично облетал-обмеривал шагами замершие подразделения. Из командирской сумки торчала длинная деревянная линейка. Поочередно осматривал обувь, бирки, прически, глажку форменных штанов, расстояние между лычками и звездочками, состояние противогоза, сложенное в тревожные сумки нательное белье.

Пристальное внимание Карпенко к строевой подготовке напоминало желание собачки, многократно обегавшей облюбованный столбик, что бы еще пометить... карандашиком в фискальном блокноте. Такой ничего не упустит! Довольный рвением своего заместителя, прохаживаясь по гулкой

трибуне, комдив бросил счастливый взгляд на заветные березки. А там пустота! Протер глаза, подошел поближе: даже пеньки дерном обложены! Не видать и следа от былой белоствольной красоты... Подчиненные в строю с удивлением заметили, как Гусенцов с красным от натуги лицом стал хватать ртом прозрачный сентябрьский воздух, будто кричал многократное и беззвучное «Ура!». Наконец голос у комдива прорезался, и он, не стесняясь в выражениях, вызвал к себе всю дежурную смену. И выяснилось, что майор Бандюга по доброте душевной деревца оные – источник природного мусора – ночью спилил и вместе с кухонным нарядом за кочегарку оттащил...

– Тут выговором не отделаешься, – подытожил стихийное офицерское совещание в курилке капитан Борщакровский. – Влип ты, Геша, в историю. Такое – на суд офицерской чести тянет.

Так бы оно и было. За полковником Гусенцовым давно утвердилась слава ярого уставщика: с самых взводных низов слыл педантичным и исполнительным офицером, неукоснительно и в срок выполнял любые указания начальства, следовал на полном серьезе надписи в служебном туалете: «Не лъсти себе – подойди поближе!» Уж, конечно, такой командир залет Бандюга довел бы до логического конца – увольнения нерадивого офицера. Да тут Первая чеченская прогремела. Кто поедет? Семейные мужи и будущие отцы – в хвосте строя. Впереди – майор Бандюга. Ему терять нечего. Шмотье солдатское – на полках. Замки опечатаны. Выговоры – подождут. Поехал майор на войну. Отличился. Роту солдат срочной службы из окружения вывел. Приехал в часть – в медалях и звании подполковника. Поскрипел Гусенцов зубами, но делать нечего – герой. Определили «чеченца» вечным дежурным по штабу. Изредка – старшим гарнизонного патруля назначали. Не один год держался Геннадий. Перед комдивом в струнку вытягивался. Штаб караулил.

Как-то по зиме, находясь в патруле, зашел Бандюга в кафе «Архыз» погреться и минералки попить. А хлебнул водки. В пылу атаки на ошеломленного бармена, не наливавшего офицеру, герою чеченской войны в долг шотландского виски, стал размахивать пистолетом. За что был сопровожден другим военным патрулем на гауптвахту. В одиночной камере в знак протеста против незаконного задержания лица, находящегося при исполнении, бузотер проглотил свои, согнутые могучей рукой, подполковничьи звезды... После промывания желудка и недельного обследования в военном госпитале вернулся в часть с повинной головой. А комдив уже руки потирает: приказ об увольнении готов, осталось подписать и по инстанции отправить.

Пока суть да дело, опять Бандюгу на склад отправили. Портянки считать.

А тут новый приказ – отправить одну офицерскую единицу на Кавказ для участия во Второй чеченской кампании. Батальоном командовать. Залетки, выйти из строя! Вышел один Бандюга...

С полгода о Геше ничего не было слышно. Однажды в солнечное июльское утро ворота КПП распахнулись и в часть вошел полковник Бандюга! За успешно проведенную операцию прикрепили Геннадию на погоны еще одну большую звезду. Командира дивизии чуть удар не хватил, пока он Бандюгу перед строем поздравлял и обнимал как родного. Еще бы – живой пример беззаветного служения Отчизне. Дал Гусенцов новоиспеченному полковнику три дня отпуска – привести себя в порядок, постричься, побриться, в баню сходить. Ну, и с товарищами по службе событие это отметить. Дать-то дал, а у самого кошки на душе скребут. Два полковника в одной дивизии! Где это видано, чтобы подчиненный – начальник склада – в одном воинском звании с командиром дивизии был! Ходит Гусенцов чернее тучи. А тут третий день проходит, неделя, вторая неделя на исходе – нет Бандюги на службе! Посылали посыльного – дверь в общаге изнутри на щеколду закрыта, никто не открывает. Отправили для выяснения обстоятельств зампыла Борщаковского. Борщаковский дверь бандюжьей вскрыл, выволок из груды водочных бутылок своего друга-героя и в течение суток привел Геннадию в божеский вид...

Комдив Бандюгу к себе в кабинет пригласил, чайку налил и, не повышая голоса, по совокупности ранее содеянного, предложил подчиненному на выбор: увольнение по статье «дискредитация звания офицера» или понижение того самого звания на одну звезду. Бандюга выбрал второе... Но после того вынужденного отступления подполковник загрустил. Замкнулся в своих мыслях на все складские замки.

На «спайках» коллектива по случаю присвоения кому из сослуживцев очередного воинского звания или на День Победы после третьей молчаливой стопки все больше плакал. Товарищей боевых вспоминал...

Посидел Геннадий на складе еще три года, пока полки с солдатской вещевкой, проверки, накладные и запыленный, стоящий в углу огнетушитель вконец ему не опостытели. А тут и выслуга подошла. Досрочная, «чеченская». Ушел Бандюга на гражданку. Со всеми льготами и воинскими почестями. Министерство обороны ему квартиру в районном центре выделило. Жить можно. Друзья дивизионные навещают. Да вот еще открытки из части по праздникам приходят, новым командиром дивизии подписан-

ные. Яркие. Дежурные. Громкие – для теперешнего бандюжьего тихого пенсионного прозябания.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Парило сегодня утром. Ох, парило! С неделю дождей ждали. Солнце жарило немилосердно. Земля высохла. Асфальт раскалился. И, наконец, разверзлись хляби небесные! Несколько часов дождь лил как из ведра.

После обеда, перед «тихим часом», хорошо под шум дождя думается – при открытой двери пожарного депо. Мечтается. Вот выпрыгнула бы сейчас из водослива золотая рыбка. Чего, мол, тебе, лейтенант Ширкин, надобно? Может, чинов каких по службе? Аль повышение оклада? Не угадала, скажу, рыбка. Карьеристом Ширкин никогда не был. Не за себя, за весь караул прошу, чтоб до конца дежурства нас по тревоге не поднимали...

Тут дождь кончился. И вездесущий диспетчер – на все депо – по громкоговорителю объявляет вызов – загорание овощебазы на Шуйском шоссе. Мы – первым ходом – на «Урале» из бокса выехали и – вперед под музыку сирен!.. Проезжая Пятый поселок – городскую черту, где кончается асфальт, на безлюдную улочку выплыли. Иначе не скажешь. Широкие лужи, соединяясь, образовывали единый судоходный канал. Но для наших пожарных автоцистерн раскисшая грунтовка не преграда. Прём без остановки. Видим, «Москвич», каким-то чудом впереди нас оказавшийся, колесами заюлил, но дорогу уступать не хочет. Представить, что сирен наших не слышит, – даже смешно: жара, все окна нараспашку. Да еще клаксон подключился – мертвый отскочит. Но не этот – идейный. Мол, коммунисты не сдаются! – вперед технику специальную, нахальную, не пропускают...

На пути – огромная лужа. Не лужа, а целое озеро. Глубокое, мутное. Интеллигент в «Москвиче» вынужденно, чтобы препятствие досадное объехать, к обочине прижался. Из окна флюгер свой востроносый, очкастый, высунул. Ну, мы и дали газу! «Урал» на полном ходу через лужу что катер тяжелый многосильный пролетел. Волну поднял высоченную. До самого «уральского» капота. А что говорить о «Москвиче»? В один момент цунами дорожная наглеца зазевавшегося накрыла. Через окна открытого салона доверху мутью дождевой залила. И тотчас, как из дырявой консервной банки, вода из машины опять на дорогу вытекла, обратившись в ту же непроходимую лужу. Бузотер от неожиданности – в пылу борьбы с водной стихией – даже очки потерял. Глаза навывкате, рот – баранкой. Точь-в-точь – золотая рыбка в опрокинутом кошконе аквариуме. От бравады – од-

ни пузыри остались... А то! Сам виноват! Прими своевременно в сторону, на сухое место, и не шали, когда техника могучая на пожар едет!

Но я все-таки походя, глядя на рыбку эту золотую, идейную, желание одно загадать успел... И точно: вызов ложным оказался! Так, грузчик мусор на пустыре за картофельным складом жег. Контролировал горение...

УЛИЦА КОММУНИСТОВ

Есть у пожарных обязанности. Не только по тушению пожара, тренировкам и зачетам. Но и по очистке пожарных гидрантов. Без них по зиме – хана. Без постановки на водоисточник воды в автоцистерне при полной нагрузке – на десять минут. В свое свободное вечернее время ходят пожарные по дворам и дорогам. Крышки обозначенных на фасадах домов колодцев, обледенелые, забитые снегом, затканные колесами, обколачивают.

Однажды мы с начальником отделения в гражданской одежде – по причине выходного, сели на дежурную «Ниву» и поехали на проверку гидрантов по улице Коммунистов. Подошли к первой крышке. От снега очистили. Стали поднимать. Тяжеленная! Поди, до войны отлитая. Тогда на крышки чугуна не жалели. Кое-как ломиком крышку люка приподняли и, поднатужившись, вдвоем перевернули. Тут бабка откуда ни возьмись. С сумками полными еле тащится. Увидев нас, ношу свою на снег опустила и давай верещать:

– Караул, люди! Помогите! Крышки прут! А потом старшие ноги ломают, машины калечатся! Люди!

И орет, и орет! Хорошо хоть улица воскресная, пустая, темная – никто на ее блажь внимания не обращает. А то ведь волну поднимут – не отмоешься...

Тут давеча на дорогах города Петрозаводска крышки колодцев пропадать стали. Их потом на одной из скупок черного металла нашли. А наш пожарный пропагандист учудил. Выступая по местному телеканалу, рассказал, что лошадь из местного конного клуба в такой вот открытый колодец провалилась «как огурец в банку». Этот его номер даже в журнале «Фитиль» показывали. С большим успехом. После чего и ему, и нам по шапке дали. Мол, развели тут цирк с конями! А сами за колодцами не следите – на жуликов пеняете... Теперь в две смены на очистке гидрантов работаем... Да еще эта бабуся! После того как мы крышку аккуратно на место положили, успокоилась вроде. Но когда мы с ломиками на плечах до следующего колодца дошли и крышку отбивать стали, еще громче заверещала:

– Караул, грабят! Крышки воруют! Люди убиваются! Милиция!..

Так до конца улицы за нами и шла. Караул да караул! Сирена ходячая! Не соображающая, что тот самый караул, пожарный, добросовестный, обколачивая крышки, о безопасности улиц и граждан печется.

А хорошо бы действительно не нам, а пропагандисту-мели-оратору вот так ломиком помахать. По темноте. В свой выходной. В сопровождении бдительной и неугомонной бабуся. Живет же такая на улице Коммунистов!.. Дай ей бог здоровья.

НЕОПАЛИМОЕ СЛОВО

Недавно звонили пожарные из Пензы, просили прислать по электронке новую стихотворную подборку. Уже восьмую песню написали на мои строки, навеянные пепельными пожарными вихрями. Под одним огнем ходили: чай, двадцать пять лет жизни было отдано пожарно-спасательной службе...

Познакомился я с пензенцами на конкурсе художественной самодеятельности МЧС в Новосибирске, и мы как прикипели друг к другу. Тогда я вышел на конкурс с тремя стихотворениями о службе в МЧС и – ничего не выиграл... Всем бы так не выигрывать! Зал рукоплескал стоя! Какие были объятья, крики «Браво!», какие горящие глаза! Я прочитал «Неопалимую Купину». Это давнее стихотворение каким-то чудом попало на стол создателям московского документального фильма «Огнеборцы России». Его цитировали на концертах, помещали на плакаты, произносили в тостах, перепечатывали из газеты в газету, не зная сочинителя. И вот он – я, скромный, трепетный, оглушенный, стою перед залом, взорвавшимся аплодисментами!

– Это дорогого стоит, – сказала мне коллега из Архангельска Ирина Будник. – Это настоящая слава! Оценки жюри ничего не значат. Важно – мнение твоих товарищей-пожарных. Они, будь уверен, пронесут по жизни и передадут другим Твое Неопалимое Слово!

Завтра pošлю по почте отобранные стихи... Даст бог, свидимся с «музыкантами пожарных оркестров», когда – не знаю. Все равно живые голоса друзей, их проникновенные песни всегда со мной – на окрашенных пламенными фотографиями дисках, в отблесках стоящей в красном углу дома иконы «Неопалимая Купина», охраняющей все живое от огненной стихии.

ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК

Удивительное дело: для меня, ребенка, родившегося в благословенные мирные 60-е годы двадцатого века – годы процветания СССР – не пона-

лышке знакомого со школьным курсом начальной военной подготовки, существовал определенный щекотливый пунктик... Глядя на короткую полку книг (подобно домику кума Тыквы, собранных по «кирпичику» в детские годы), я думал, что взять с собой во время военной тревоги. Перебирая драгоценные томики, при всяком раскладе бережно клал в тревожный чемоданчик – «Три повести о Малыше и Карлсоне» Астрид Линдгрен, «Дон Кихот» Сервантеса и «Зверобой» Фенимора Купера. И – при большом выборе представленных литературных произведений – ни одной книги... советских писателей!

АМНЕЗИЯ

Человек я положительный. Работящий. Дальнобойщиком на продовольственной базе работаю. Читаю много. В коллективе – на хорошем счету. Опять же – семейный. Моральный кодекс строителей коммунизма, а теперича – Десять заповедей Христовых – соблюдаю со всей сознательностью. Но бывает – с устатку – усугубляю питье винное до бесконечности. До полного Космоса. До, как это называется по-научному, временной амнезии.

Живу я в пригороде, в своем доме – с большим участком. Хозяйство у меня имеется. Живность всякая. За свинками и курами, когда я в дальний рейс или по надобности какой уезжаю, супруга ухаживает. Помогает. На операции денежные, районные, ненавязчиво подталкивает. За семью радеет. Что-то она мне тогда по этому поводу говорила, наказывала...

Собрался я в районный центр – на ярмарку. Приехал раненько. Прикупить и продать кое-что успел. Да возле крытого овощного прилавка приятеля встретил. Слово за слово – пригласил он меня в гости. Давно не виделись. Новостей накопилось... Позабыв о женином наказе, решил я к дружку на часок заглянуть. Подогнал свою «ладушку» к его новому коттеджу. Да так, чтоб не напоказ, за леском, в стороне поставил «старушку». Дабы джипы хозяйские не смущать. Сумку увесистую, пахнущую чесночной колбасой и деревенским салом, из салона прихватил – не с пустыми руками же в гости идти. Как раз к столу подоспел. Субботнему. Разливанному. Со всеми вытекающими последствиями...

Очухался у друга на диване. Утро «стрелецкой казни», как водится, ознаменовало наступление первого дня недели – понедельника. Первоначальные шаткие ощущения скользких половиц и незнакомой волнообразной обстановки слегка напомнили жуткие фрагменты из майнридовского «Всадника без головы» вперемежку с фильмом «Чужой» американского производства. Ничегошеньки, кро-

ме этих кошмарных сюжетов, не помню... Только одна мысль сквозь тупую головную боль на белый свет пробивается – домой ехать надо. Кое-как голову – взлохмаченную, хмельную – из насоса колодезного ополоснул. С хозяевами хлебосольными попрощался. Отыскал свою «ладушку» в придорожном леске. Завел мотор. Да что-то звук его мне подозрительным показался – хрюкающим, визгливым. Тронулся с места. С километр – до поворота на трассу – проехал. Мотор вообще взбесился – толкаться начал, громыхать, блажить пуце прежнего. Остановил я машину. Открыл капот – все в порядке, урчит, как ему и положено урчать. А грохот заполосный не умолкает. Хрюканье постороннее достало – до печенок. Осмотрел я салон, заглянул в багажник, а там... Матьер Божья! Свинья! Машка! Совсем взбесилась. Всю обшивку съела. Нагадила. Даже уши в дерьме измазаны. Визжит благим матом. Откуда она взялась, как в багажнике хавронья очутилась – напроць не помню.

Память мне супружница вернула. Как потом оказалось, это женушка наказала мне Машку на рынке продать. А я запомятовал... Вишь, напасть какая неожиданная. Амнезия. Беспробудный Космос...

Ладно только б это. Я ведь еще одну слабость за собой замечать стал – тягу к приключениям. В пределах родного района – не страшно. А в дальное? Покруче, чем на Диком Западе, среди индейцев. Ну как в пьяном дурмане за руль сядешь? А за тобой – многотонная махина? Нет уж! Баста! В дороге – ни-ни... Разве ж только на стоянке да с хорошей компанией... Да и то предшоферским сабантуем – с домкратом под КамАЗ залезаю, кардан снимаю. Подальше прячу на всякий случай... Однажды после опорожненного стакана и последовавшего далее непроглядного тумана очухался я утром в своей камазовской кабине – в обнимку с родимой «баранкой». Солярка на нуле. Двигатель в стопоре.

Водила знакомый, докуривая «бычок» на крыльчке летней кафешки, глядя на мой взъерошенный виноватый вид, криво усмехнулся:

– Всю ночь ты, чудик, к девкам ехал. Не остановить. Шуму, дыму! Мотор на всю стоянку – на дурость твою – рычал и ругался, пока не заглох. А там и тебя сон на обе лопатки положил. Ловеласа хорохористого. Да смотри, ковбой, в следующий раз, отправляясь на мотородео, кардан не потеряй...

И то правда. Я, мужики, не за себя беспокоюсь. За окружающих. Жену. Детей. Скотину. Груз доверенный. Совесть и больно мне за амнезию ту проклятушую! Отчего это все происходит: убей – не пойму. Не романтик я, не астронавт, не мустангер, а обыкновенный работяга. Некогда. Некогда за индианками гоняться.

А вот книги читать перестать... А для чего тогда жить? Не знаю...

МАСКА

Вычурные бело-синие татуировки африканских племен означают родство с духами предков, передающих им свою силу.

Боевая раскраска индейцев наводит страх на врагов и добавляет мужества воинам.

Забрало пожарного защищает от зольного выдоха огня и удушливого дыма.

Веселая, рыжая, дурашливая маска клоуна скрывает – под слоем белил и радужной краски – горе, неустроенность, разочарование жизнью маленького человека.

Но перед выходом на арену, лицом врага или разбушевавшейся природной стихии маски не могут скрыть того, что дороже жизни и выше смерти – человеческого достоинства, неизменной предтечи обыкновенного подвига и настоящего поступка.

ИНИЦИАТИВНЫЙ

Так получилось, что после завершения военной карьеры судьба связала меня с карельской пожарной охраной. Пройдя ступени многих должностей государственной противопожарной службы, повидал всякого. В составе пожарного расчета, оперативной группы готовил себя к борьбе с пожаром и прочей непредсказуемой чрезвычайностью, не забывая проявлять осторожность и разумную инициативу.

Весьма показательная «инициативная» история произошла со мной летом 2003 года, как раз в то время, когда в Петрозаводске проходили зональные соревнования по пожарно-прикладному спорту – по-простому «Зона».

В тот день я заступил на дежурство по гарнизону. Около десяти часов утра начался «паловый» пожар в деревне Ялгуба. Пылала целая улица. Какая-то бабуля сжигала старую траву на своем огороде, недосмотрела... От занявшейся бабусиной избушки жалящие раздетые искры полетели на соседние дворовые и жилые постройки. Сильный ветер нес огонь от дома к дому. Все руководство Петрозаводска и Прионежского района было поставлено «на уши». Дошло до руководства управления пожарной охраны, потом – до заместителя министра внутренних дел Карелии.

Начальник главка позвонил на Центральный пункт связи и приказывал диспетчеру: «Передай оперативному, чтобы брал машину, заехал за заместителем

министра МВД, а потом за мной. Выезжаем в Ялгубу». А оперативный дежурный, как на грех, уже укатил на категоричный пожар. Так что разруливать ситуацию надо было мне. На троллейбусе, да хоть на рейсовом автобусе до Ялгубы не доберешься – факт. По времени не успеешь. Нужна оперативная машина. Конечно, начальник управления подумал, что я возьму машину с водителем. А все – в разезде. В городе пожар повышенной категории сложности. Опять же, соревнования по пожарно-прикладному спорту кому-то обеспечивать надо.

Почесал я затылок. А делать нечего. Приказ начальника – закон для подчиненного. Надобно применять «наказуемую» инициативу. И хотя у меня не было прав и за баранкой я сидел только в военном училище, когда на учебном ГАЗ-66 поленился в ближайшем поселке сбивал, приказ нужно было выполнять. Поэтому выкатил из гаража резервную «буханку», попросил знатоков-огнеборцев напомнить, как переключать передачи, трогаться с места и, главное, чем тормозить. Машину завели, я сел за руль и спрашиваю:

– По прямой-то дороге я, может быть, и доеду... А как мне на светофорах останавливаться?

– А ты, – говорит караульный, – включи сирену и дуй себе на одной передаче без остановок.

Сказано – сделано. Включил маячок, сирену и еду себе потихоньку. Стало получаться, напряжение спало, включилась мышечная память, и я уже практически освоился в продуваемой летним ветерком кабине. Подъехал к зданию Министерства внутренних дел, а ее руководство уже машину ждет, на ходу в кабину запикивается. Ладненько! Поехали дальше... А вот и начальник главка у стадиона «Спартак» портфелем машет. Видать, последние указания петрозаводским «зачетчикам» отдавал, чтобы пожарную эстафету на карельской «Зоне» питерцам не сдали. Но когда меня за баранкой увидел – аж в лице изменился. Он-то знал, что я машину водить не умею.

– Только попробуй угробить замминистра, – шипящий над самым ухом голос начальника управления не предвещал ничего хорошего.

Внутренне благословясь, мы двинулись дальше. Все было хорошо, пока ехали по трассе. Но вот лег перед нами Соломенский понтонный мост.

Начальник главка, мокрый от пота и бледный от шока, спрашивает:

– В мост сможешь вписаться?

Если бы я хоть раз когда-нибудь ездил на «буханке» по мосту, я бы сразу ответил, что нет, не смогу. Но поскольку опыта у меня не было, я ответил, что, конечно, какие проблемы.

И поехал... На мое счастье, эта авантюра продолжалась недолго. Очень быстро я зацепил днищем

стык моста. Машина застыла посередине понтона. Сирена орет что труба Иерихонская. А что толку? Хорошо хоть через перила в Онего не сиганули. Тут во время войны танк «Климент Ворошилов» затонул. До сих пор ищут...

Начальник пожарной охраны из кабины вылез и... с радостным облегчением послал по матери меня и мою инициативу. Теперь-то шифроваться не надо и можно спокойно – перед министерским начальством – за разгильдяйство водителя от управления транспортным средством отстранить. Выказать все свои умозаключения. И кого моя мать родила. И по чьей вине спецтехника посередине моста намертво встала. Выпустив пар, начальник сам связался по радиации с диспетчером четвертой пожарной части, чтоб нам на помощь резервную автоцистерну прислали.

Вытащили буксиром мою «буханку» на берег. Пересадили замминистра на автоцистерну и отправили на пожар... Сами тут же следом прикатили. Начальник главка, взяв на себя руководство тушением пожара, меня в самые жаркие точки – перстом гневным, указующим – на подмогу посылал. Строения, огнем не затронутые, водой поливать. До позднего вечера уши мои пристыженные и «заговоренная» боевка огнем горели...

Долго потом начальник главка думал, как же ему со мной поступить, то ли выговор объявить, то ли благодарность. Так ничего и не решил. Зато я из происшедшего свой вывод сделал: инициативу свою в глубоком резерве держать, а прежде чем за баранку садиться, не мешало бы водительскими правами обзавестись.

ТИШИНА

Стихло половодье. Рыжая накипь опоясала озерные скалы. Закачалась над водой верхушка синего июньского неба. Заходит полуночное солнце... Но, кажется, все здесь недвижно: лучи и воздух, вода и птицы! И только весла рвут невидимые пути тишины...

ГРИБНИК

В грибном сыром сентябре он не вернулся из карельской тайги... Запахи мокрой листвы, мягкой хвои и горечи низких косматых туч пропитали его неподъемный, залапанный болотными туманами плащ и набухший влагой рыбацкий камуфляж. Убаюканный осенней сыростью, он будто бы вырос из своего большого тела, мыслей, судьбы, непроходящего чувства обыденности мира и бесполезности оставленной где-то корзины... Мшистая земля холодила,

не выпускала из ласковых пут бессильного, грузного человека. Он больше не ощущал своих многотрудных лет, негнущихся ватных ног, все тише бьющегося сердца, страха не вернуться на дорогу из непроходимой лешачьей чащи. Как это было давно... Какой тяжкий груз ответственности, обид и разочарований скатился с покатых истомленных плеч.

Последнее, что увидел человек, перед тем как слиться с надвигающейся темнотой, стать могучим лесом, косматым обволакивающим туманом, морозящим небом, это сомкнувшиеся над его головой кроны больших спокойных деревьев.

ЗА РУЛЁМ

Расположившись на верхней купейной полке – до Кисловодска еще далеко! – вождельно вытянул из-под подушки томик Пастернака, перелистать любимые стихи... Нижний сосед, поинтересовавшись, что я читаю, удивленно замолчал. И – после обеда – торжественно протянул мне номер журнала «За рулем»:

– На, серьезную литературу почитай! Нечего на столбики стихоплетские время драгоценное тратить...

Отказываться было неудобно. Откуда было знать несведущему попутчику, что я автомобили только по цвету различаю и в науке машиномеханизмов не понимаю ни бельмеса.

Прерывая мучительные мысленные потуги, на середине первой журнальной страницы настиг меня милосердный послеобеденный сон. Добрых два часа я представлял из себя фырчащий – с пробитым глушителем – советский автомобиль «Запорожец», примяв щекой глянцевою обложку «рулевого» российского журнала.

ДРУГОЕ ВОСПИТАНИЕ

Как-то Джон Фаулз сказал – устами своего персонажа – стихам читатель не нужен. Мол, художник пишет прежде всего для себя, выражает свои чувства и переживания, не глядя ни на кого.

Но я – военный человек. Я по-другому воспитан. Я не могу писать, отвечать, думать только за себя. Я пишу и живу – для других.

УЛОВИСТАЯ ЁЛКА

Подрядился я как-то с Николаем Ивановичем – давнишним пенсионером – на зимнюю рыбалку ходить. Увлекательнейшее занятие, скажу я вам! Если клюет, конечно... Сосед-пенсионер на Габозере все рыбные места знает. А меня привлекает за то, что

мы с ним когда-то в одну смену кочегарами работали – в котельной поселка Марциальные Воды.

Как-то привез я Иванычу мотыля из города, а он мне и говорит:

– Пойдем завтра, Лександр, новогоднюю ёлку для плотвы и окуней габозерских ставить.

– Это что за детский утренник для мальков! Что же они, Николай Иванович, хороводы вокруг нее водить будут?

– А вот завтра и увидишь...

Наутро, еще затемно, захожу я к соседу, а он действительно меня с ёлочкой пушистой встречает. На нескольких ветках мешочки привязанные покачиваются. Как новогодние шары. Ну, думаю, совсем сбрендил дед. С шарабаном и ледобуром еще и ёлку с собой прет. Прямо Мороз Иванович. Доброхот. О рыбьем досуге заботится. Праздник им организует.

Пришли мы на лед, просверлили первые лунки. А Николай Иванович вместо донки в свою широкую лунку ёлочку запихивает. Предварительно, правда, к ее макушке железяку какую-то тяжелую привязал. Заякорил красавицу на дне Габозера и доволен.

– Пойдем покамест, Саша, на другое место рыбачить. А ёлка пусть тут поплавает, распушится...

– Что-то я, Иваныч, твоих манипуляций никак не пойму. Какого черта ты ёлку в лунку запихал? Ее теперь и не достанешь, застряла намертво.

– А я ее теперича только по открытой воде со дна изымать буду, на лодочке, место-то приметное. И никуда она с грузом не денется. А ты, Лександр, так и не дотумкал, зачем я рыбий хоровод вокруг ёлки наряженной затеял? Эх ты, промысловик! В мешочках, что на ветках развешаны, – слегка поджаренное пшено. Его дюже плотва сосать любит. Да на такую приманку любая рыба слетится! Только лунки вокруг сверлить успевай.

И точно, самое уловистое место в ту зиму было у дедовой новогодней ёлки. Порадовала и плотвой, и окунем. Жаль только, что Николай Иванович по весне захворал. Ёлочку я из озера летом вылавливал. А потом этим способом рыбьей подкормки не раз пользовался. Правда, уже без соседа.

По осени не стало Николая Ивановича. Годы немалые. Да и болезнь проклятушая привязалась... Как всегда – для прощания – вынесли гроб на поселковую площадь, поставили на табуреты. Небольшую делегацию работников хозяйственного сектора санатория «Марциальные воды», за коим и была закреплена кочегарка, возглавил заведующий гаражом. Бывший водитель санаторского автобуса. Речей говорить он не хотел, да и не умел. Но был вежливо уполномочен на то трудовым коллективом. Повертел водила в руках портретную кепку. Помялся. Вздохнул тяжело. И со

словами: – Ну, будь здоров, Николай Иванович... – юркнул обратно в толпу работяг.

Переволновался шибко. Почетного поселкового пенсионера в Марциальных Водах уважали, любили даже. Сноровистый и умелый был дед. Все у него в руках спорилось. С добрым словом и мудрым напутствием – со многими он своими знаниями делился. Взять хотя бы уловистую новогоднюю ёлку. Впредь рыбакам карельским – наука.

«ЖЁЛТЫЙ»

От июльских пожарно-спасательных учений на острове Валаам мне запомнилось несколько моментов. Радийный позывной «Желтый», которым меня – представителя прессы МЧСовского главка – наградила сверхостроумная оперативная служба. Семья лосей, перегородившая дорогу спецтехнике, делавшей рекогносцировку на лесистой местности. Ночевки в спортивном зале островной школы, расположенной в старинных монастырских стенах. И – купание после долгожданной деревенской бани в предвечернем ладожском проливе. Вкупе – для организаторов учений – было организовано ныряние с ГИМСовского катера, вставшего на якорь вблизи многовековых скальных отметок подъема озерной воды... Под конец купания старший катера тянул меня на борт маломерного судна со словами:

– «Желтый», вылазь. А то вскорости синим станешь. Вода холодная... Тебе голосом докладывать надо, закладку капсулы на месте строительства пожарной части освещать.

Намеченные учения, закладка капсулы, мой профессиональный комментарий, встреча высоких гостей «Регаты безопасности», для которых, в принципе, все и было организовано, прошли на «ура!».

На следующий год валаамские огнеборцы уже обустроивались в освященных стенах новой пожарной части.

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

Приехал царь-император на курорт, что на водах марциальных, и начал чудить. Прибывших с обозом придворных, чумазных от закопченных, провонявших печным дымом возков, уставших от длинного зимнего перехода, заставлял Петр в день по тридцать чарок воды проклятушей железистой пить. Да еще и променаж делать, чтобы она в суставах не застоялась и оные не заржавели. О количестве выпитой подданными болотной воды судил по черноте представленных зубов. Застывали подолгу караульные солдаты на царском смотру в нелепом подобострастном оскале. Ежели ко-

му от воды сей занеможется – государь проносные средства прописывал. А пищу разрешал вкушать только постную, постылую...

Давеча сызнава парад потешный устроил. Все пытал солдат-преображенцев, пошто у них пуговицы медные на обшлагах пришиты. Не для плезиру и шарма. А для того, чтобы они сусала свои жирные после трапезы рукавом не утирали. Материя нынче дорогая. А честь – бесценна! Преображенский мундир дозволяется испачкать в славном молодецком бою токмо – порохом али кровью.

БУКСИР БЕЗ ЯКОРЯ

Судно морского класса под иностранным филиппинским флагом собрало на своем борту многих бывших граждан Советского Союза. Подбирают команду не по странам, а по специальностям.

Вот и попал матрос Василий в одну каюту с тремя украинцами. В начале двухтысячных уже бежала меж братьями национальная трещина. Кроватями молчаливыми потрескивала... Возвращался Вася после вахты в тесную четырехместную каюту понурый. Хохлы меж собой балагурят, чаи распивают. А Василия будто и нет вовсе. Отовсюду его теснят. Вещи под шконку загоняют. Носы от матросской робы воротят. Он даже переодевался в коридоре. Как замученный.

А тут земляк пригласил. Старший моторист. По случаю его дня рождения выпили спирту, и хорошо выпили. Вася не смог вспомнить, как в каюту вернулся. В глубине сознания всплывало одно восторженное чувство – свободы и вдохновения!

Утром проснулся на своей шконке. Хохлы уже чаевничают. И, на удивление, радушно Василя к столу приглашают – трапезу разделить. Один, самый здоровый, даже привстал в почтении:

– А может, тебе, Вася, водочки налить – для поправки болезного организма? Это мы мигом! Но только стопочку – не больше. При превышении нормы горячего твой буксир, Васенька, никакой якорь не остановит...

Да, устроил Вася вчера морякам качку. Сам-то он роста небольшого. Но коренаст и ловок. Мускулы под тельняшкой буграми перекатываются. В юности вольной борьбой занимался. Да и принял на грудь изрядно. Хмель – упоение в бою. И, право сказать, свое ущемленное положение в каюте Василий более терпеть не мог. Накипело. Наваял он своим соседям хороших увесистых люлей. Хохлы высокие, неповоротливые: в тесном помещении все больше друг за друга цеплялись, никак не могли юркого Васю громадными кулаками достать. Василий их поочередно на пол уклады-

вал. А как затихли, поскуливая, на свою койку спать завалился...

Хохлы урок оценили. Порядок в помещении навели. Рундук Васин, одежду, тапочки брезентовые аккуратно на свои места водрузили. После той буйной ночи и тихого похмельного утра стали соседи к Васе уважительно относиться. Оценили силу непостижимого русского духа. И постепенно, к концу заокеанского рейса, по-хорошему задрожались...

СТИХОТВОРЕЦ

Я не писатель-фантаст. Я не могу написать фантастическую прозу. Приврать – во благо повествования – пожалуйста! Но специально экспериментировать в жанре фэнтези... Увольте. Хотя я читаю подобные произведения, отдаю дань мистике и детективу...

Но я пишу стихи и этим безмерно счастлив, наполнен жизнью всех литературных жанров. Стихи – они сами по себе – фантастика!.. и – неподкупная реальность.

ШАРИК

Люблю, понимаете ли, я наш родной северный санаторий «Лесная сказка»! Раз в два года обязательно навещаюсь. Сразу с автобуса, обгоняя загруженных чемоданами бабуль, – напрямик к дежурному врачу, чтобы назначения получить и на время удобное записаться. Процедур набираю полнехонько, не продохнуть. А какого лешего мне на отдыхе баклуши бить? Работа у меня в конторе сидячая. Живот выпирает, подбородки висят, лысина – что бильярдный шар, а сидалище корму сухогруза напоминает. Со всех сторон круглился. Напялю футболку – точь-в-точь воздушный шарик с рисунком. А тут – диета, массаж, сауна, бассейн – полное очищение организма от шлаков и токсинов! Качусь из коридора в коридор: из ванной в душ, из душа в «царскую купель». Две-три недели, и – как новенький! Не шарик, а регбийный мяч! Жена, как меня в санаторий отправляет, переживает: мол, не усердствуй, Аркаша, не доведи себя до истощения в этой спартанской здравнице. Крутишься как белка в колесе! А я что? Я ничего. В столовой – на аппетит не жалуясь. Еды хватает. Кое-что еще и «на заглядку» остается, ну, там – яйцо крутое, печенюшка, а то и тарелочку с кашей с собой прихватчу, ежели не тороплюсь никуда. Давеча после завтрака бутерброд в салфетку завернул, сунул в пакетик, да так по кабинетам и почесал. В помещении фитоароматерапии пациенты полчаса запах моей чесночной колбасы вдыхали. Этот дух все остальные благовония пе-

ребил напрочь! Ничего: сидели, нюхали. Народ у нас терпеливый, невредный, забавный даже... В один из приездов мужчина – отдыхающий, новичок, наверное, очередь в хвойные ванны отстоял, в кабинке разделся, ждет, когда ему команду дадут в соседнее помещение заходить. Медсестра из-за занавески выглянула:

– Мужчина, идите уж, процедуры принимайте! Ванна стынет...

Через двадцать минут заходит девушка в кабину, чтобы пациента вместе с пробкой сливной из ванной вытащить... Глядь, а мужчина, как «Мыслитель» родемовский, на краю ванной сидит и пригоршнями разведенный в воде хвойный экстракт вовнутрь употребляет. Аж икать стал от удовольствия. Чудик. А другой отдыхающий – не чище. Идите, ему говорят, в кабину, разденьтесь и приготовьтесь к грязевому обертыванию. Товарищ приготовился, на топчан лег. Медсестра, как его на топчане со сложенными на груди ручками увидела, наотрез отказалась бедолагу грязью лечебной из ведра поливать. Я, говорит, еще жить хочу, а не от смеха помереть! Правда, картина увиденная того стоила. А что было... Женщина отдыхающая, что перед этим недотепой на той же лавочке переодевалась, впопыхах колготки капроновые бежевые на вешалке забыла. Так мужичок их на свое маленькое щупленькое голое тело напялил, почти до подбородка, и в таком виде на топчане растянулся, думал, что так и надо...

Или вот случай недавний. После ручного массажа спешила одна почтенная отдыхающая в грязелечебницу на жемчужную ванну, так спешила, что на мокром полу оскользнулась и на шпагат села. Непроизвольно, но основательно. Не имея дальнейшей возможности для продолжения начатого акробатического этюда, дама подала руку подоспевшему кавалеру. Помогли женщине встать. Отряхнули. Все вроде на месте... А по санаторию слух пошел: мол, здешний массажист-виртуоз творит чудеса – у него после шестого сеанса женщины на шпагат садятся!

Уф-ф, до печеночных коликов доведут, черти! Не зря, не зря жена предупреждала, что побережусь мне надо: побольше на воздухе бывать, в лесу, в тишине и уединении. А в санаторий заходить по крайней необходимости – в столовую и для прохождения процедур – чтобы от смеха не лопнуть, как воздушный шарик.

ТИШИНА

Тишина в зимнем лесу. Ни голоса, ни щебета, ни дуновения... Только где-то неудержимо рокошет буря. Это – мое хриплое дыхание.

ПЕСОК ИЕРУСАЛИМА

На дворе зябкая карельская осень. Кругом грязь, лужи. Дома уже рефлекторно отмыться хочется. А в квартире блочной – душ да узкая ванна. Никакого простора. Так что я, когда один, когда с сыном, хоть раз в две недели в баню на Путьевскую хожу. Чаще для души, а не для тела.

Вот и в тот раз в баню засобирался. Мыльно-парильные принадлежности в пакет кинул, трусы, майку, шлепки в газету завернул. Себе старые шлепанцы взял, сыну – новые положил. Пускай разношивает.

Помылись, попарились. Душу успокоили. Обратно по темени осенней возвращаемся. Дома я газеты развернул... А вместо новехоньких, презентованных сыну тапок какие-то старые потертые на пол вывалились. Сын, оказывается, сланцы мои новые особенно и не разглядывал. Что под лавкой в моечной нащупал – в том и в раздевалку ушлепал. Да еще и возмущается! Мол, поди разберись в этих мокроступах, что та пара, что эта, одинаковые, как галоши. Причем обе на левую ногу. Поохал я, посокрушался, да делать нечего, придется в следующий банный день обратный обмен сделать. Мужики на Путьевскую одни и те же ходят. Авось повезет хозяина этих левых «галош» найти.

Как назло, из-за командировки в район поход банный отложить пришлось. Три недели не мог времени выкроить, чтобы грязь осеннюю с души смыть. Наконец терпение лопнуло. Шлепки, веник под мышку и – в баньку! В парилку народу много набилось. Беседы разные заводят. Один, должно быть, где-то на югах загоравший, и говорит:

– А я, мужики, только-только из Израиля прилетел. Море. Солнце. Христианские святыни. Здесь холод собачий. А там я в одних шлепках по Иерусалиму шастал, на Голгофу забирался. Ну почему голый? В шортах и футболке – как положено. Гора Голгофа – под крышей Иерусалимского храма находится. Потому на моих шлепанцах – песок с земли обетованной, камешки намоленные в подошве рифленой застряли. Вон они, шлепки, у порога лежат, реликвии.

Глянул я на тапки – как пить дать, мои! Синие, блестящие, ремешки крест-накрест. А где, спрашиваю я загорелого гражданина, вы эти шлепанцы покупали?

– Да я их и не покупал вовсе. С месяц назад вот в этой бане под скамьей нашел. Ничьи оказались. Моим «скороходам» кто-то в тот день крылышки приделал...

– Да это я! В смысле, мои это сланцы! Сын, рото-

зей, три недели назад вместо них ваши, обшарпанные, домой притащил.

И точно, признал турист свои шлепки намозоленные. Махнулись мы обратно под оханье и смешки заядлых путевых парильщиков. Сидят. Острословят. Ты бы еще, гогочут, с кем трусами поменялся. Может статься, они до следующей бани и Пекин посетить успеют, на Китайской стене посидят. А там – и до кругосветки недалеко...

Вот такая оказия с моими шлепанцами приключилась. За две недели, пока я грязь дорожную туда-сюда по Петрозаводску елозил – на Святой Земле побывали! На солнышке грелись. Ну, ничего, мы им и тут, в Карелии, жару поддадим! Теперь только эту реликвию в бане надевать буду. Пускай песок да камешки иерусалимские парную русскую да дух березовый на себе испытают! От бани парной на сланцах крылышки растут, как на сандалиях Персея, душа порхаёт.

ЗАБОР

На дачной улице, проглядываемой насквозь, скупив маленькие близлежащие садовые участки, сосед поставил вокруг них высокий глухой забор. Больше, проходя до своего домика, я не увижу ярко раскрашенного фасада, весенней сирени и пунцового осеннего шиповника, не замечу, как радостно цветет соседская картошка и веселятся дети. Я могу только представлять, догадываться – по ребячьим голосам и запаху шашлыков – о присутствии «радушных» хозяев. Или удивляться морозной тишине за непроницаемым металлопрофилем, как в замураванном, заиндевевшем саду Великана-эгоиста из сказки Оскара Уайльда.

Я не то чтобы лишился соседей. Я потерял к ним всякий интерес...

ГОРЯЧАЯ ИСКРА

Добро и зло. Единство и рознь. Камень и осина. Апостолы Иуда и Петр неизменно идут рука об руку через сложную, противоречивую историю человечества, согревая его огнем мудрости и терпения, окатывая ледяной водой сомнений и предательства: для того чтобы разжечь сырую осину отступничества, нужен кремень, высекающий искру доброты и веры.

ИГРА В РОДИТЕЛЕЙ

В детском саду мальчик и девочка играли в папу и маму. Подражая взрослым, соорудили в песочнице хрущевскую кухню: столик-фанерка, игру-

шечный сервиз, две найденные дощечки заменяли небольшой угловой диванчик. Мама готовила ужин. Папа приходил с работы пьяный. Мама бранила папу на чем свет стоит. Папа, отмахнувшись от маминского салата из одуванчиков, должен был завалиться спать на диванчик не раздеваясь. Мама должна была стянуть с него ботинки и брюки... Но упрямый мальчик наотрез отказывался раздеваться и рвался прочь. В кусты акации. К веревочным качелям. На веранду. К друзьям. Из тесной непонятной «взрослой» жизни, зажатой рамками пока еще преодолимой и несерьезной детсадовской песочницы.

СЛЁЗЫ

Детские слезы быстры и чисты. Как солнце, играющее в капельках летней росы, высушит новая радость слезы ребенка... Рубцы от непролитых слез остаются на сердце.

МЕЧТА

На открытом, притулившемся к основному ангару продуктового рынке – лотки, мешки, полки, прилавки. Наконец-то у меня появилась возможность осуществить свою мечту – привезти домой в Петрозаводск из Новосибирска кедровых орешков. Зря, что ли, я в такую даль ехал? Кедровые сосны в наших северных краях как-то не прижились...

Обхожу ряды. Прицениваюсь. Читаю таблички. Крупные светло-коричневые гладкие орехи – дары Байкала. Чуть потемнее – из бескрайней Приморской тайги. Не в пример мельче и вкуснее из Хакасии. Более-менее однородные отборные собраны в окрестностях Иркутска. Разнокалиберные, с червоточинками – из Читы. А тут лоток – безымянный. Орешки мелковаты, с пробоинами, но ничего – сытные, маслянистые. И продавца, как назло, нет.

– Чьи орехи? – спрашиваю у соседа-предпринимателя. – Где продавец?

– Сейчас, сейчас придет хозяин! – отвечает лоточник среднеазиатской национальности. – Отлучился ненадолго...

– Жаль. И цена дорогая... А орехи все-таки откуда?

– Сейчас, сейчас! Ведь говорил же... У-у, голова тыквенная! А! вспомнил, вспомнил, дорогой! Из Карелии орехи! Только бумажка с названием затерялась...

Вот те раз! У меня на родине подобных сибирских изысков отродясь не водилось, да еще в промысловом масштабе. В лесу карельском кедр не увидишь. Разве что единичные посадки в Ботаническом саду али на Валааме...

Подивился я тому. Поохал. У владельца лотка, возникшего из недр крытого рынка, на голубом глазу – уверенного в своем поставщике, о диковинном уголке происхождения орехов поинтересовался. И купил – из интереса. А вдруг и правда в Карелии когда-нибудь кедровые сосны посеются, заколосятся и карелы местные с усердием и прибылью шишковать будут, околачивать карельские кедры. Мечта...

ОСИНОВОЕ ГНЕЗДО

Благодаря закрытой со всех сторон лесистыми скалами долине Марциальных Вод, в километре от поселка, на «народной» тропе к Верхнему озеру, сохранилось Осиновое гнездо. До марта зимуют на заснеженных осинах, столпившихся вдоль лесной тропки, задержавшиеся жухлые листья. В начале весны – на отголосках заунывных февральских метелей – падает на рыхлый мартовский снег ветреный древесный сор. Бурые осиновые листья не жалят, а согревают озябшую под тощим и рваным сине-белым одеялом землю. Как весенние первоцветы. Как летний мед. Как осенний морошковый настой.

Пройдя сквозь Осиновое гнездо до снежной горы, навстречу весеннему солнцу, ты сбрасываешь с плеч повседневные, накопившиеся заботы, и тебе становится теплее и легче.

МОСТ

Жена удивилась:

– Зачем нужен большой мост в Адлере для такого жидкого ручейка?

Река Мзымта, неудержимо втекающая в Черное море, была спокойна и маловодна. Широкие галечные проплешины пестрели редкими сорванными ветром торговыми зонтиками и пляжными матрасами. Береговые пальмы периодически затягивало туманом. Весеннее тепло боролось с горными снегами и холодным морем. Сочи встретили своих гостей долгой, затянувшейся зимой...

И вдруг – пошли дожди, ударило солнце. Быстрый желтый поток, стремящийся с гор, заполнил каменное русло. От берега до берега запенились бурные горные воды.

Женушка участливо вздохнула:

– Мост бы не смыло...

ПОНИМАНИЕ

Рай на земле, по моему мнению, это возможность открыть душу другому человеку и найти понимание. Замкнуться в себе – сущий ад.

ЖЕНИХ

Приехал в один поволжский городок жених. Военный. Серьезный. В дальнем северном гарнизоне, вернее, в близлежащем поселке, местная продащица его с племянницей познакомила, которая к ней в гости приехала. Девушка симпатичная. Между молодыми людьми чувство образовалось. Военный девушку в офицерское общежитие пригласил комнату свою холостяцкую показать... С ответным визитом долго не тянул. Спустя полгода как подружка домой укатила – воодушевленная, отдохнувшая, он перед ее глазами появился.

Была середина лета. Волга манила горожан прохладными берегами. Шумели тенистые парковые аллеи. Девушка его ждала очень-преочень. Приветила как родного. Щебетала с ласковой доверчивой улыбкой о маме, о домашней кошке, о жареных баклажанах, о своей девичьей любви к артисту Евгению Герасимову, обо всем, что казалось ей важно, просто необходимо знать отпускинику-офицеру в эти счастливые летние дни. Разносолами потчевала. И родители жениха ждали. Ждали... предложения. Дочь-то в девках засиделась. А военный все больше на красоты местные любовался: набережную, парки, архитектуру. С утра до вечера девушка суженого по городу выгуливала. Заводила, будто случайно, к знакомым, показывала свою бухгалтерскую контору. Знакомила с подружками, сослуживцами. В укромном скверике, присаживаясь на скамью, тесно к жениху прижималась, выжидательно заглядывала в глаза.

А военному было жарко, неудобно, утомительно в столь чудный солнечный день говорить лишние нежные гражданские слова. Он снова, взяв ее под руку, бодро маршировал по улицам незнакомому городу и пел солдатские песни. Он был весел, беспечен, от его гарнизонной серьезности не осталось и следа...

Однажды девушка не выдержала и сорвалась, одернула руку, прервала на первом куплете походный артиллерийский марш, наговорила военному кучу неприятных слов, размазывая слезы по щекам. Потом, конечно, долго извинялась. Просила юношу не обращать внимания на ее плохое настроение. Обещала ничем его не попрекать, не торопить драгоценное время ежедневных городских прогулок. А жених будто окаменел, по-

серьезнел и через неделю уехал. Уехал навсегда. Так и не узнав, почему тихая поволжская девушка не любит солдатских песен.

ТЕЛЕГРАММА

В советские времена капитанам гражданских грузовых судов – сверху – сыпались различные партийно-профсоюзные указания. Например, об организации коллективного досуга.

Команде сухогруза «Балтика» из головной конторы Беломорско-Онежского пароходства пришла срочная депеша о проведении на борту спортивных соревнований по любому культивируемому экипажем виду спорта. Надо было чем-то занять свободную смену во время долгого международного рейса. И перед Москвой отчитаться – о здоровом образе жизни и боевом товарищеском духе советских моряков.

Капитан судна незамедлительно выслал в Центр пространную телеграмму: «Команда выбрала для организации соревнований конный спорт. Тчк. Прошу доставить фураж и кобыл через сорок восемь часов после нашего прибытия в Выборгский порт. Тчк. Ипподром организуем на разгрузочной площадке...» Телеграмма осталась без ответа.

ТРИЕДИНАЯ ЗАДАЧА

Посадил на даче деревце. Вырастил сына-женеха, профессионально заинтересованного в литературе, библиотечном деле, человека. Что-то пишет. В отличие от меня, не втюхивает другим свои «нетленные» произведения... Как-то на досуге я сложил домиком – со стенами и крышей – все свои изданные книжки. Неплохая получилась фатера, на чей порожек приземлилось путеводное перышко судьбы. У меня есть дерево, сын, дом. Я, кажется, выполнил все общеизвестные задачи большой и честной жизни.

ЧЕМОДАН

Втянула меня меньшая внучка в авантюру.

Москва. Многолюдное метро. А она под ноги лезет со своими советами:

– Дедушка, ты с чемоданом через турникет проходишь, как обычные люди. А мы с бабушкой – где проход шире, для багажа!

– Но я у тебя, внученька, необычайный дедушка. Писатель. Неожиданный взгляд на всё имеет. Потому и иду, где обычным людям с баулами не протиснуться...

А потом и вовсе внучка вместо «чемодана» работать стала, когда мы налегке по столичной под земке передвигались.

– Я, – говорит проказница, – позади тебя пристроюсь – через турникет как чемодан проскочу.

И точно, по одному билету мы в метро опустились. Никто и не заметил, как двенадцатилетняя девчушка ко мне прилепилась. Но после внучка запрыгала по «экскаватору», как она обозвала подземную лестницу-чудесницу, дальше:

– Давай в следующий раз я первой пробегу, а ты вместе чемодана за мной проскочишь.

Послушал я внучку. Приложил к считывателю сбербанковскую карточку... Шалуныя пронеслась через турникет в одно мгновение. Я – следом. Но в самый ответственный момент «ручка» тяжелого неповоротливого «чемодана» оборвалась, образовав неминуемый опасный зазор. Хищно лязгнувшие автоматические дверцы оцарапали мне левый локоть. Слава богу, самое ценное турникетом не прицелило.

Тут ко мне контролер метрополитена целенаправленно подходит и под белую оцарапанную рученьку в сторону сопровождает:

– Вы чего закон Российской Федерации нарушаете? «Зайцем» в метро проскочить норовите?

По всему так и выходит: внучка-то по билету прошла. А я – злостным нарушителем оказался. Хорошо хоть контролер не злой попался – пробил я на его модульном аппарате проездной билет. Без штрафа. Вот, думаю, вляпался бы в историю «старый недодавленный чемодан»! В авантюризме я отродясь замечен не был. На понюх его не выношу. А тут облажался... Необычный дедушка, прозаик, превратился в обыкновенного безбилетного «зайца». И чего за внучкой-несмышленишем увязался? Развил резвость не по годам – с низкого старта. Правду люди говорят: что малый, что старый – одно сплошное недоразумение.

БАРИН

Собрался я как-то на летнюю рыбалку. До места сбора любителей рыбного лова – в Суоярвском районе Карелии – меня вызвался сопроводить отставной военный из Бесовецкого гарнизона, приятель владельца озерной заимки.

Хлебосольный владелец, охотник, рыбак,ловец приключений давно приглашал меня изведать все прелести дикой карельской тайги: без света, радио, интернета и прочей связи с человеческой цивилизацией. Но при всем при этом я буду чувствовать себя как у Христа за пазухой. Сказочная заимка обеспечит городского увальня барскими усло-

виями проживания, грибным бором, рыбным озером, отеческим радушием принимающей стороны и экзотическим провиантом, состоящим в основном из свежей медвежатины...

В Бесовце прицепили к потрепанной «Ниве» прицеп с медвежьей привадой – свиной требухой. Медведюшко страсть как любит тухлятиной полакомиться. А охотники не дремлют, старательно хищника подкармливают. Ясно для чего. Ружьишко у отставника всегда при себе. Но и рыбалка – хорошее дело...

Перед отправкой в салон автомобиля запрыгнул кобель по кличке Барин. Западносибирская лайка. Большой, пушистый, смиренный. Да только жарко ему в салоне. Язык, высунутый из открытой пасти, слюной истекает. Так что через часик в поисках прохлады пес барином разлегся на спинке заднего сиденья. Аккурат на моих плечах. Ветерком его из открытых окон обдувает. А мне тяжелый меховой воротник на шею давил. Но делать нечего. Терплю.

Разговор, сообразно обстановке, зашел о собаках. Их у владельца «Нивы» четыре штуки. Но Барин самый шустрый. Никакой загон ему не указ. Стены рушит, дверь с петель снимает. И – айда в поселок. За кошками гоняться. Передушил всех гулящих. Уж домашних у подъезда караулит.

– Еду я как-то с работы, – продолжает мой собеседник, уверенно вращая баранку российского внедорожника. – А через поселковую площадь в сторону гаражей бежит Барин. В зубах пушистого белого домашнего кота держит. Меня увидал, припустил

быстрее. Я к гаражам подъехал. Думаю, кота спасти надо. А ушлый пес уже ко мне навстречу спешит. Как ни в чем не бывало. Прикопал добычу. Я за гаражами пошарил, нашел бедолагу. Уже без признаков жизни. Совковой лопаткой выкопал яму и захоронил котика поглубже.

Поставил машину в гараж. Иду домой пешочком. А навстречу – сосед.

– Это не твой ли пес сейчас через площадь кота белого тащил? – поинтересовался поселчанин. – Кот-то знакомый, Валя Тихонина ему хозяйка. Кто за урон отвечать будет?

– Какой такой пес?

– Ну, большая серая лайка.

– На волка похожая? На груди пятно белое?

– Да.

– Не, не моя. Я со своим Баринком только что с охоты вернулся.

– Похоже, – говорит сосед, – что охотились вы на кошек...

Выслушав душещипательную кошачью историю, Барин сполз, наконец, с моей одеревеневшей шеи и лег на подстилку, разложенную вместо сиденья пассажира, рядом с водителем. Выдохнув раскаянно (ибо больше на мелочь всякую не зарился, а охотился на более крупного зверя), пес доверительно положил большую голову на колено мудрого заботливого хозяина.

□

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске.

В 1988 г. окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище.

Подполковник внутренней службы в отставке.

На данный момент продолжает трудиться в одном из подразделений регионального МЧС.

Автор пяти сборников стихов, книги переводов вепских поэтов и трех книг прозы.

Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Всероссийской премии имени Г.Р. Державина

«Во славу Отечества».

Член Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Живет в г. Петрозаводске.

